

КИБРИК А. Е.

ТИПОЛОГИЯ: ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ ИЛИ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ, СТАТИЧЕСКАЯ ИЛИ ДИНАМИЧЕСКАЯ

Типологический метод в языкознании известен довольно давно. Он является одним из важнейших средств обобщения знаний о конкретных языках и построения общей теории языка. Наиболее разработан типологический подход к исследованию структуры языка (его языковых состояний) в отвлечении от фактора времени — это так называемая *структурная* (или, иначе, *синхронная*) типология. Именно о ней и пойдет далее речь, хотя многие выдвигаемые ниже положения могли бы быть, на мой взгляд, распространены и на *эволюционную* типологию (обобщающую типовые изменения языковых состояний).

Задачи синхронной типологии в разное время ставились и решались по-разному в зависимости от того, что предполагалось ее средствами узнать о языке, и от того, объектом какого рода представлялся сам язык.

В настоящей статье делается попытка обосновать тезис, что типология ближайшего будущего должна двигаться от таксономических задач к объяснительным и от статической модели языка к динамической.

1.

Занимаясь выявлением способов (типов) организации языковой структуры, типология систематизирует наблюдения над всевозможными проявлениями структурных сходств и различий, имеющих между языками [1]. Поскольку состав и специфика типов зависят от степени варьирования языковых структур, то основное внимание в типологии уделяется, естественно, выявлению различий между языками.

До самого последнего времени основной задачей типологии был поиск ответа на вопрос:

КАК (ЧЕМ) языки отличаются друг от друга?

Следовательно, основной задачей КАК-типологии была *таксономия* — классификация языков по всевозможным параметрам. Сама таксономия, как известно, требует:

— отбора *параметров* (оснований классификации), по которым осуществляется сравнение языков (таким классическим типологическим параметром является, например, морфологическая структура слова);

— установления типов возможных реализаций каждого конкретного параметра в разных языках, т. е. установления *классов*, на которые могут быть разбиты языки по данному основанию (например, традиционное различие изолирующего, агглютинативного и флективного способов построения слова).

Каждая из указанных подзадач может решаться как на эмпирической, так и на дедуктивной основе. *Эмпирический* выбор некото-

рой сущности в качестве типологического параметра основывается на том, что в некоторых сравниваемых языках реализации данной языковой сущности не тождественны. Например, в свое время сравнение европейских языков с кавказскими позволило обнаружить существование разных принципов построения основного каркаса предложения, что ввело в рассмотрение параметр синтаксического типа языка. Эмпирическая методика выделения классов в пределах данного параметра зиждется на принципе перечисления, обобщающем различия, зафиксированные в языках, включенных в исходную базу классификации. Добавление новых языков может привести к увеличению числа классов или к их внутренней перестройке. Перечислительной была, например, традиционная оппозиция номинативной — эргативной конструкции предложения, иногда расширявшейся за счет посессивных, аффективных и др. конструкций [2].

Примечание 1. В двух словах трудно охарактеризовать всю специфику эргативной конструкции (см. в этой связи, в частности, [2—4]). Говоря традиционными терминами, она противопоставлена номинативной конструкции тем, как соотносится оформление предложений с непереходными и переходными (в индоевропейском понимании) глаголами. Например (аварский язык, пример из [2, с. 48]): *Вас векегула* «Мальчик (номинатив) бегаёт» — *Вас-ас тил босула* «Мальчик (эргатив) палку (номинатив) берёт». Внешним аналогом в русском языке является пассивная конструкция (если отвлечься от ее производности и особой формы глагола): *Мальчиком палка берётся*. Аффективную и посессивную конструкции демонстрируют следующие примеры из аварского языка, взятые из [2, с. 56]: *Вацас-е вас вокьула* «Брат (датель) сына/мальчика (номинатив) любит» — *Вацас-ул лъимер буго* «Брат (генитив) ребенка (номинатив) имеет». Аналогом этих конструкций в русском языке являются выражения *Брату сын нравится*, *У брата ребенок есть*.

Дедуктивная методика в типологии требует системного обоснования как допустимых значений каждого параметра, так и самого состава типологически значимых параметров. Пределы допустимых различий между языками систематизируются при этом методом и с ч л е н и я, а не перечисления. Таким образом, типология на этом этапе уже тесно смыкается с о б щ е й т е о р и е й я з ы к а, ограничивающей множество возможных естественных языков (предсказывающей, в частности, какими свойствами не может обладать никакой естественный язык) и задающей п р о с т р а н с т в о т и п о л о г и ч е с к и х в о з м о ж н о с т е й, которые реализуются в реально изученных языках или в принципе могут / могли бы реализоваться в каком-нибудь естественном языке. Примером образца такой исчисляющей классификации может быть типология залогов А. А. Холодовича и его группы [5], опирающаяся на универсальное родовое понятие диатезы, или типология относительного предложения Э. Кинэна [6].

КАК-типология чрезвычайно расширила диапазон параметров, включаемых ею в рассмотрение, и достигла весьма ощутимых успехов при том, что потенциальные ее возможности далеко не исчерпаны, поскольку ее идеал — построение настолько мощных классификаций, которые обеспечивали бы возможность интерпретировать материал любого произвольного языка — этот идеал пока еще очень далек от ее реальных возможностей.

2.

И вместе с тем КАК-типология, по своим исходным презумпциям, изначально ограничена: наибольшее, на что в принципе способен таксономический метод, — это отвечать на вопросы о потенциальном существовании тех или иных явлений. Можно ли считать, что этим исчерпывается проб-

лематика, связанная со структурным сопоставлением языков? Или, иными словами, являются ли таксономические цели (и соответствующие им таксономические методы) в типологии органически ей присущими?

В последнее время становится все более очевидным, что в типологии, как и в общей теории языка, происходит качественное изменение исходных презумпций [7] и, наряду с КАК-вопросами, все чаще начинают ставиться ПОЧЕМУ-вопросы, а именно вопросы типа:

ПОЧЕМУ языки (тем-то и тем-то) отличаются друг от друга?

Тем самым на смену безраздельного господства таксономической КАК-типологии приходит объяснительная ПОЧЕМУ-типология, призванная ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования / несуществования тех или иных явлений. Такое развитие типологии имеет место не только и не столько в силу осознаваемой ограниченности КАК-типологии, но, в первую очередь, ввиду потребностей самой КАК-типологии: оказывается, что исчерпывающих ответов на КАК-вопросы зачастую невозможно получить, не поставив своевременно ПОЧЕМУ-вопросы.

3.

Какие средства используются в типологии для ответов на ПОЧЕМУ-вопросы? Прежде всего, возможна разная «глубина» объяснения. С этой точки зрения различаются «внутренние» и «внешние» объяснения (ср. [8]).

При внутреннем объяснении объясняемая сущность (сущность-следствие) и сущность, посредством которой осуществляется объяснение (сущность-причина), в определенном отношении являются объектами одной природы. Так, например, внутренним объяснением существующих в языках многочисленных конкретных ограничений на линейную структуру предложения можно считать требование проективности синтаксической структуры, объясняющее, почему одни способы линейного упорядочивания слов в предложении естественны и широко распространены, а другие неестественны, редки и даже невозможны. И параметр-следствие (линейная структура предложения), и параметр-причина (проективность) относятся к синтаксическому уровню.

Примечание 2. Понятие проективности можно формулировать разными способами, опираясь на тот или иной формализм, описывающий синтаксическую структуру предложения. В самом общем виде это понятие опирается на линейную комбинаторику подчинительных связей между парами слов (где одно слово является главным, а другое зависимым). Линейная структура предложения проективна, если между каждой парой слов, связанных подчинительной связью, находятся только слова, зависящие (непосредственно или опосредованно) от одного из этих слов. Например, выражение *На чужие ноги лосины не натягивай* (афоризм К. Пруtkова) обладает свойством проективности, поскольку пары слов, находящиеся в подчинительном отношении, или располагаются контактно (*чужие ноги*, *не натягивай*), или между ними расположены лишь слова, зависящие от одного из этих слов (*на чужие ноги*, *лосины не натягивай*, *на чужие ноги лосины не натягивай*). Легко проверить, что свойство проективности сохраняется и при некоторых перефразисах, полученных перестановкой слов: *лосины на чужие ноги не натягивай*, *не натягивай лосины на чужие ноги* и т. п. Однако при порядке слов, нарушающем это условие проективности, фраза становится неприемлемой: **На лосины чужие ноги не натягивай*, **Чужие ноги лосины на не натягивай* и т. п. Подробнее о проективности см., например, в [9].

При внешнем объяснении сущность-следствие и сущность-причина являются объектами разной природы. Например, внешним объяснением ограничений в агглютинативных языках на линейный порядок мор-

фем в словоформе является гипотеза о том, что расположение служебных аффиксов относительно корня иконически повторяет структуру семантического представления словоформы.

Примечание 3. В качестве примера можно привести морфемное «устройство» финитного глагола хиналугского языка: *ки-р-ет-мя* «делает», где *ки-* — корень, *-р* — показатель несовершенного вида, *-ет* — показатель настоящего определенного времени, *-мя* — показатель изъявительного наклонения. Последовательность суффиксов относительно корня соответствует, согласно [10, 11], типологически предпочтительному (наблюдаемому во многих разносистемных языках) порядку категорий в глагольной словоформе:

«корень» + «вид» + «время» + «наклонение».

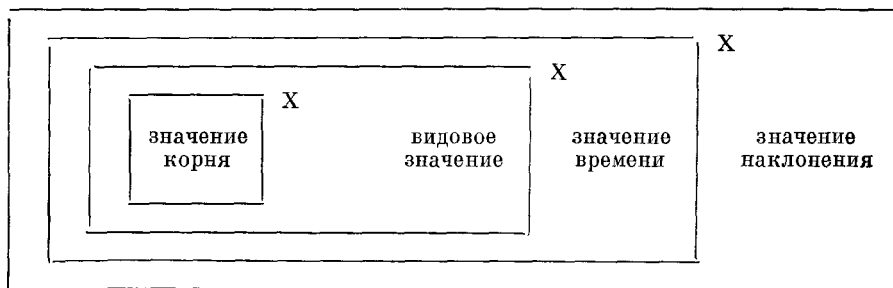
Почему из шести формально возможных порядков предпочтителен именно этот? Если обратиться к толкованиям соответствующих категорий, то мы будем иметь примерно следующее:

— несов. вид. = «длится и не имеет результата событие X», где X = «делать» — значение корневой морфемы;

— наст. определенное время = «в момент речи имеет место X», где X = «длится и не имеет результата событие *делать*», т. е. сочетание значения вида и корневой морфемы;

— изъявительное наклонение = «верно, что X», где X = «в момент речи имеет место, что длится и не имеет результата событие *делать*», т. е. сочетание значений времени, вида и корневой морфемы.

Таким образом, данный порядок следования морфем объясняется порядком вложения значений одних категорий в значения других:

В значении каждой из данных категорий имеется переменная, которая заполняется значением той морфемы, которая непосредственно ей предшествует в глагольной словоформе.

Очевидно, что противопоставление внутренних / внешних объяснений является относительным и зависит от избранного взгляда на однородность причин и следствий. Так, в обоих вышеприведенных примерах как следствия, так и причины являются собственно языковыми сущностями, и в этом смысле оба объяснения можно считать внутренними — апеллирующими к внутреннему устройству языковой системы.

4.

Однако глубина объяснения имеет еще один аспект. Как верно отмечает Б. Комри, «всякое объяснение неизбежно отодвигает решение данной проблемы на один шаг дальше, так как само это объяснение в свою очередь становится объектом, требующим объяснения» [12]. Действительно, являются ли вышеупомянутые примеры объяснений окончательными, не вызывающими новых ПОЧЕМУ-вопросов, например:

— Почему синтаксическая цепочка зависимостей имеет тенденцию линеаризоваться в соответствии с формальным требованием проективности, а не наоборот, — вопреки или независимо от него?

— Почему иерархическая (синтаксическая) структура семантического представления предопределяет линейную морфемную структуру словоформы?

Допустив рекурсивность процедуры объяснения, мы рано или поздно неизбежно дойдем до такого цикла, при котором языковая сущность-следствие уже не имеет никакой ближайшей языковой сущности-причины, и нам придется, в поисках ее, выйти за пределы собственно языковой структуры и обратиться к внешним по отношению к ней параметрам, а именно, от структурно-ориентированных языковых объяснений перейти к объяснениям экстралингвистическим (прагматически-ориентированным). Экстралингвистические объяснения будут исходить:

- а) из обстоятельств приобретения языка человеком;
- б) из обстоятельств использования языка человеком.

В случае (а) ограничения на структуру естественных языков могут объясняться особенностями филогенеза и онтогенеза, а именно, особенностями происхождения языка и усвоения языка. Так, если принять гипотезу моногенеза (происхождения всех человеческих языков из единого праязыка), то сходство между современными языками есть продукт сохранения черт, заданных типом исходного праязыка, а также конвергентных тенденций, сопровождающих процессы параллельного развития отдельных языков; различия между языками объясняются как результат мутации — процессов дивергентного развития, по-разному использующих структурные потенции, заложенные в предшествующих языковых состояниях. С точки зрения усвоения языка наиболее известной объяснительной гипотезой является гипотеза о генетической врожденности языковой способности, согласно которой «форма языка, схема его грамматики в большой степени дана заранее» [11].

Очевидно, что объяснения типа (а), во-первых, покоятся на труднопроверяемых гипотезах, во-вторых, исходят из некоторого некогда происшедшего случайного исторического выбора в человеческой эволюции, в-третьих, на множество конкретных ПОЧЕМУ-вопросов дают по существу один ответ типа «так получилось».

Несмотря на то, что гипотезы моногенеза и врожденности не следует пока полностью исключать из рассмотрения, тем не менее они, на мой взгляд, не могут конкурировать с объяснительной силой факторов, связанных с обстоятельствами использования языка человеком. Данный подход к ПОЧЕМУ-типологии основывается на фундаментальной гипотезе о функциональной мотивированности языка, а именно о том, что

язык (как механизм, устройство, средство и т. д.) чтобы осуществлять свое предназначение (успешно использоваться), должен иметь не произвольную природу (структуру), а именно такую, которая оптимально согласована со способами его использования.

Если данная гипотеза верна, то знание условий функционирования языка может помочь объяснить, почему грамматики языков именно таким образом варьируют. Данная гипотеза объясняет также, почему объяснительные цели ПОЧЕМУ-типологии в принципе не могут быть разрешены в рамках таксономических методов, а требуют функционального, ориентированного на деятельностную модель языка метода. Из нее следует, далее, что в основе ПОЧЕМУ-типологии должна лежать не традиционная статическая (структурная) модель языка, а динамическая модель, согласованная с моделью языковой деятельности,

т. е. описывающая язык как механизм, участвующий в преобразовании речемыслительной задачи в текст.

5.

Итак, мы сперва признали, что наряду с КАК-типологией имеет право на существование ПОЧЕМУ-типология. Далее, мы пришли к выводу о том, что ПОЧЕМУ-типология, если не ограничивать ее рамками локальных внутриязыковых импликаций, неизбежно должна опираться на динамическую модель языка — именно ту модель, контуры которой интенсивно исследуются сейчас в общей теории языка и в ее приложениях (искусственный интеллект, общение с ЭВМ на естественном языке и т. п., см., например [14]).

По существу тем самым типология от этапа статической (и тем более таксономической) типологии должна перейти к этапу динамической (и по преимуществу объяснительной) типологии [15].

В чем состоит специфика динамической типологии? Не будучи в состоянии дать развернутый и полный ответ на этот вопрос как ввиду ограниченности объема настоящих заметок, так и ввиду чрезвычайно слабой разработанности данной области (в основном будущего) знания, я ограничусь указанием нескольких существенных черт, характеризующих, на мой взгляд, динамический метод ПОЧЕМУ-типологии.

6.

Динамический метод, наиболее последовательно применяемый при построении динамических моделей языка, не автономизирует языковую способность человека, не противопоставляет ее прочим способностям, а рассматривает как частное проявление общей способности человека к целесообразному (управляемому прагматическими целями) поведению. Из этого следует два важных тезиса.

Во-первых, в языковом поведении (и в обслуживающих его языковых механизмах) многое предопределяется не собственно языковой способностью, а общностью языкового поведения с прочими видами поведения человека. Раз так, то правомерно объяснение устройства языкового механизма и способов его варьирования такими прагматическими факторами, как

— принцип гештальта («организуй свое поведение при помощи гештальтов»), важность которого для лингвистики была провозглашена Дж. Лаковым [16];

— принцип экономии («достигай цели с наименьшей затратой усилий»), о влиянии которого на язык писал еще А. М. Пешковский, отмечая, что всевозможные опущения, столь распространенные в языке, «объясняются общим законом всякой нашей деятельности, а не только речевой: законом экономии сил» [17];

— принцип приоритета («из нескольких альтернатив выбирай наиболее для себя приоритетную») (обоснованию его связи со структурой языка посвящена работа [18]);

— принцип динамического стереотипа («запоминай полезные связи между совместно встречающимися явлениями как единый автоматически обрабатываемый комплекс»), лежащий в основе всех процессов грамматикализации, перерабатывающих прагматические факторы в синтаксис и морфологию [19], и др.

Во-вторых, языковая способность формируется под воздействием прочих способностей, потребности которых она должна удовлетворять. В этой связи уместно упомянуть:

— когнитивную способность, обеспечивающую мыслительную деятельность человека;

— перцептивную способность, связывающую человека с окружающей средой;

— коммуникативную способность, регулирующую поведение человека в коммуникативной среде;

— социальную способность, регулирующую поведение человека в социальной среде.

Трудно переоценить степень мотивированности внутриязыковых семантических оппозиций (имеющих типологическую значимость) когнитивными и коммуникативными факторами. Опыт показывает, что мера обязательности выражения во всяком языке того или иного смысла определяется в конечном счете мерой его концептуальной и коммуникативной важности.

В области поиска типологически релевантных (тождественных или различных в разных языках) смысловых единиц-параметров (будь то оппозиция имен и предикатов [20], семантические роли [21], значения длительности [22], кратности [23], результативности [24], каузативности [25—26], императива [27], типы повторных номинаций [28] и т. д.) приходится рано или поздно обращаться к соответствующим их прототипам во внеязыковой действительности и в концептуальных мыслительных схемах, к коммуникативным намерениям и к модели текущего сознания участника речевого акта.

Такого рода «увеличение объяснительной глубины» оправдывается местом принципа иконичности:

«при прочих равных условиях, кодируемый опыт легче хранить, обрабатывать и передавать, если код максимально изоморфен этому опыту» [29].

Если вернуться к упомянутым выше ограничениям на линейный порядок слов в предложении и линейный порядок аффиксов в словоформе, то при большей глубине объяснения эти явления оказываются следствием единого фактора иконичности процесса линейаризации:

«рядоположенное в мысли остается, если не мешают другие факторы, рядоположенным на линейной оси».

Иконичность процесса линейаризации имеет и другое проявление: «в первую очередь линейаризуется, если не препятствуют другие факторы, то, что первым актуализуется в сознании говорящего».

С этим связана сильная типологическая тенденция помещать топики в тех языках, где он есть, а также логический субъект в абсолютное начало предложения [30], равно как и кажущаяся не связанной с этим явлением тенденция к асимметричности именных групп при сочинении, в соответствии с которой первым идет имя, обозначающее более выделенный по какому-нибудь параметру объект.

Примечание 4. В [31] выявлены такого рода параметры, например, принцип рангового превосходства в иерархии (по полу: *муж и жена, брат и сестра, юноши и девушки*, по возрасту: *бабушка и внук, стар и млад*, по общественному положению: *учителя и ученики*, по социальному престижу: *рабочие, колхозники и интеллигенция*, по степени уважения: *дамы и господа, Вы и я*), принцип предшествования: *рано или поздно, рождение и смерть*, принцип первичности: *бытие и сознание* и т. д.

Объяснительные возможности динамической ПОЧЕМУ-типологии позволяют не только достичь ранее недоступных обобщений, но и по-новому взглянуть на проблему простоты / сложности языка (см. постулат о простоте в [7, с. 37]): простота языка в значительной мере обеспечивается за счет общности стратегий, приводящих в действие отдельные языковые механизмы, со стратегиями в других видах поведения.

7.

Принципиально важным для формирования динамического метода в типологии является, по-моему, переход к новому пониманию процессуальной модели языка, преодолевающему ограниченность алгоритмического взгляда на природу языковых процессоров. Как известно, алгоритм есть система правил, применяемых в определенной последовательности, которая строго детерминирует процедуру поведения процессора так, чтобы при одном и том же его начальном состоянии всегда получался один и тот же конечный результат. Каждое алгоритмическое правило есть правило-предписание типа «Если а, то (не) сделай b». Алгоритмическое мышление на определенном этапе имело революционное значение для лингвистики, дав метод уточнения и формализации многих грамматических процессов. Однако далеко не все языковые явления поддаются описанию с помощью правил-предписаний.

Примечание 5. Видимо, этим вызваны часто высказываемые суждения о том, что не все подчиняется в языке «путам» (по выражению В. И. Даля) грамматики, ср. сложности объяснения колебаний в выборе форм типа: *он был грустный/грустным* [32—33], *он умный/умен* [34—35], *пришло/пришли пять человек* [36], *он знает французский и английский язык/языки* [37]. Нагромождение все более сложных контекстуальных условий, которые позволили бы обеспечить однозначный выбор, в таких случаях не дает хорошего результата.

Все это заставляет усомниться в универсальности алгоритмического способа мышления и строить деятельностную модель языка на принципе не полной детерминированности, при котором, наряду со строго детерминированными правилами-предписаниями, существуют также слабо детерминированные правила-советы: «Если а, то можешь сделать b».

Примечание 6. Как убедительно показывают работы [32] и [37], вариативность форм обычно бывает связана с тем, что их выбором управляет множество разнородных и одновременно действующих факторов, из которых многие являются скорее не правилами-предписаниями, а правилами-советами. Например, на выбор падежа предикативного имени в выражениях типа *он был грустный/грустным* влияют, в частности, факторы, связанные с «ориентированными на говорящего прагматическими характеристиками, соотносящими пропозицию со шкалами времени, референтности, наблюдаемости, с коммуникативной организацией высказывания или с типом речевого акта», «со стратегией говорящего в отношении предотвращения неоднозначности высказывания», с жанром текста, с устранением разного рода стилистических погрешностей и др. [32, с. 352—353].

Правила-советы — существенный, может быть, даже ведущий способ организации языкового (грамматического) механизма, хотя их природа и сфера действия начинают всерьез изучаться только в последнее время.

Поскольку правила-советы сами по себе не разрешают процессуальную альтернативу (в частности, в силу того, что могут вступать в конфликт друг с другом, благоприятствуя противоположным альтернативам), они предполагают существование процессуального механизма

ма принятия решений, формирующихся на их основе. Такого рода механизм должен, тем не менее, тоже быть не строго детерминированным и обеспечивать принципиальную множественность языковых процессов, способных реализовать одну и ту же речемыслительную задачу (эта множественность следует из принципа неполной детерминированности; наблюдаемые же косвенные свидетельства состоят в том, что иначе языки просто не могли бы никак между собой структурно различаться, а также невозможна была бы контекстуальная синонимия в пределах средств выражения на одном и том же языке).

8.

Речемыслительная деятельность является творческим, созидющим мысль процессом. Владение конкретным языком позволяет значительно облегчить, автоматизировать эту деятельность. В этом состоит основное предназначение языка, в значительной степени предопределяющее его устройство. Иными словами, языковые единицы и правила в сущности являются идиоматическими типовыми блок-схемами (гештальтами, по терминологии Дж. Лакова), в которых устойчиво и общественно значимо закреплены определенные комбинации речемыслительных процессов, что способствует более автоматическому, стандартному и эффективному протеканию текстосоздания (эта идея, по замечанию А. В. Бондарко, имеется уже у А. А. Потебни, у которого «формальность языка характеризуется со стороны как бы автоматичности систематизации мысли, ее «распределения по известным отделам», с точки зрения независимости такой систематизации от воли говорящего» [38]).

Типологические характеристики языка являются комплексом гештальтов, грамматикализирующих процесс вербализации мысли (на данном языке), который на каждом этапе имеет множество альтернатив дальнейшего развертывания: каждая потенциально возможная цепочка переходов от речемыслительного замысла к сообщению есть элемент пространства типологических возможностей варьирования естественного языка.

Примечание 7. С этой точки зрения интересно взглянуть на проблему универсального определения подлежащего. Оригинальный подход к ее решению содержится в [39]. Э. Кинэн выделяет около трех десятков свойств подлежащего, ни одно из которых не является необходимым и достаточным для всех языков и даже для всех конкретных подлежащих в одном и том же языке. (Такая ситуация находится в необъяснимом противоречии с классическим логико-таксономическим способом определения научных понятий.) Кроме того, во многих языках подлежащее является таким средством упаковки пропозиционального содержания высказывания, которое, в сочетании с дополнительными синтаксическими преобразованиями, позволяет по-разному организовать высказывания с весьма близкими значениями, например: *Дверь открыли ключом, Ключ открыл дверь, Дверь была открыта ключом*. В первом выражении можно усмотреть нулевое неопределенно-личное подлежащее, во втором подлежащим является слово *ключ*, в третьем — *дверь*. При переходе к другому языку эти выражения не обязательно сохраняют свою синтаксическую структуру, и, в частности, свои подлежащие. Связано это с тем, что множество факторов, влияющих на выбор подлежащего, и механизмы их взаимодействия (т. е. процессуальные цепочки) в разных языках не совпадают.

Сущность подлежащего (как и многих других языковых единиц) состоит в том, что оно является равнодействующей многих факторов и связанных с ними процессов, представленных в речемыслительной деятельности. Этим и может быть объяснено такое странное, с точки зрения классических дефиниций, положение с понятием подлежащего.

Независимое формирование подлежащего как одной из основных синтаксических единиц во многих языках связано с тем, что это чрезвычайно экономный способ упаковки весьма важных для речемыслительной деятельности комбинаций факторов и процессов.

При динамическом подходе к типологии пространство типологических возможностей реализации языковой структуры не есть простой конгломерат случайных альтернатив. Правдоподобно ожидать, что имеется естественное иерархическое расслоение типологических характеристик языка, позволяющее выделить среди них более доминантные (на самых первых этапах вербализации соприкасающиеся с мыслительной деятельностью) и более периферийные (связанные с более поздними этапами означивания мысли, воплощения ее в языковую форму). Тем самым имеются внешние предпосылки для установления многочисленных причинно-следственных отношений между типологическими параметрами (что поможет, в частности, обосновать примат контенсивной типологии над формальной и заложить фундамент динамического объяснения типологических импликаций).

9.

Итак, подводя итог, можно прийти к выводу, что период стерильной КАК-типологии себя изжил, что на повестке дня стоит развертывание широкого фронта работ в области ПОЧЕМУ-типологии, что ее методологическим ядром является динамический подход, что динамическая типология способна поднять типологию на качественно новый уровень описания и объяснения языковых фактов. В то же время динамическая ПОЧЕМУ-типология не отрицает, а вбирает в себя все позитивные результаты статической КАК-типологии как необходимого этапа развития эмпирического метода ¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кацнельсон С. Д. История типологических учений // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985. С. 6.
2. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
3. Ergativity / Ed. by Plank F. London — New York — Toronto — Sydney — San Francisco, 1979.
4. Studies in ergativity / Ed. by Dixon R. M. W. Amsterdam — New York — Oxford — Tokyo, 1987.
5. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.
6. Keenan E. L. Relative clauses // Language typology and syntactic description. V. 2 / Ed. by Shopen Th. Cambridge, 1985.
7. Кибрик А. Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
8. Explanations for language universals / Ed. by Butterworth B., Comrie B., Dahl Ö. Berlin — New York — Amsterdam, 1984. P. 1.
9. Долинина И. Б. Системный анализ предложений. М., 1977.
10. Кибрик А. Е. Соотношение формы и значения в грамматическом описании // Предварительные публикации ИРЯ. Вып. 132. М., 1980.
11. Bybee J. Diagrammatic iconicity in stem inflection relations // Iconicity in syntax / Ed. by Haiman J. Amsterdam — Philadelphia, 1985.
12. Comrie B. Language universals and linguistic typology. Chicago, 1981. P. 24.
13. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972. С. 49.
14. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
15. Кибрик А. Е. От таксономической типологии к типологии динамической // III Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания (Типы языковых общностей и методы их изучения). М., 1984.
16. Лаков Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981. С. 359—361.

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить признательность Г. А. Климову и С. В. Кодзасову, ознакомившимся с первоначальным вариантом статьи и сделавшим ряд конструктивных замечаний.

17. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1928. С. 125.
18. *Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.* Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // ИАН СЛЯ. 1981. № 4.
19. *Hutten L. M.* Form and substance in language universals // Explanations in language universals / Ed. by Butterworth B., Comrie B., Dahl O. Berlin — New York — Amsterdam, 1985. P. 71—72.
20. *Thompson S. A.* The iconicity of the universal categories «noun» and «verb» // Iconicity in syntax / Ed. by Haiman J. Amsterdam — Philadelphia, 1985.
21. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
22. *Бондарко А. В.* Длительность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 98—124.
23. *Храковский В. С.* Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 124—152.
24. Типология результативных конструкций. Л., 1983.
25. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
26. The grammar of causative constructions. // Syntax and semantics / Ed. by Shibatani M. New York — San Francisco — London, 1976.
27. *Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива. Л., 1986.
28. *Кибрик А. А.* Типология средств оформления анафорических связей: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
29. *Givón T.* Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax // Iconicity in syntax / Ed. by Haiman J. Amsterdam — Philadelphia, 1985. P. 198.
30. *Чейф У.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1982.
31. *Лауфер Н. И.* Линеаризация компонент сочинительной конструкции // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
32. *Никольс Дж.* Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
33. *Vichols J.* Predicate nominals: a partial surface syntax of Russian. Berkeley — Los Angeles, 1981.
34. *Babby L. A.* Transformational grammar of Russian adjectives. The Hague — Paris, 1975.
35. *Бэбби Л.* Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
36. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. М., 1960. С. 506.
37. *Кодзасов С. В.* Число в сочинительных конструкциях // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 204—219.
38. *Бондарко А. В.* Из истории разработки концепции языкового содержания в отечественном языкознании XIX века // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985. С. 95.
39. *Кинэн Э. Л.* К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.